В. П. Булдаков

Письмо в редакцию

Вышла новая книга Б. Н. Миронова «Страсти по революции»[1]. Правда, подлинных страстей в ней незаметно, а революции как таковой и вовсе нет. Есть нечто другое.

Свою позицию каждый отстаивает по-своему. В данном случае мы имеем дело с появлением нового полемического, с позволения сказать, приема: прикинуться гонимым, а заодно дискредитировать оппонента. Этому помогают занудливые перечисления набивших оскомину «аргументов», сдобренные, правда, афоризмами, прибаутками и высказываниями классиков (с ними автор на короткой ноге). Ради чего?

На протяжении многих лет Миронов пытается убедить научное сообщество в сделанном «открытии». Напомню, в 1999 г. он поведал, что дореволюционная Россия была «нормальной», успешно модернизирующейся и благоденствующей европейской страной.

Вообще-то критерий «нормы» применительно к прошлому уместен в устах заскорузлого обывателя, а не историка. Нелепо выставлять Клио оценку за поведение. Как бы то ни было, главный «аргумент» Миронова таков: мужская часть населения в пореформенной России быстро «подрастала», бабы столь же неуклонно нагуливали вес. Подпирали столь оптимистичный образ мысли бесчисленные таблицы, графики, схемы. Некоторые исследователи усомнились, однако, в плодотворности подслащенной версии экономического детерминизма — тем более что приводимые автором данные порой свидетельствовали совсем о другом. Миронов от «пессимистов» отмахнулся. Да и какие смогут быть возражения, если он горделиво поставил перед собой задачу «клиотерапии»![2]

[1] *Миронов Б. Н.* Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. М.: Весь мир, 2013.

[2] *Миронов Б. Н.* Социальная история России. СПб., 1999. Т. 1. С. 16.

Сам лекарь абсолютно уверен в спасительности своего снадобья. Многие не поверили. Что делать? Насильно впихивать «больному» сомнительное зелье?

Взявшись окончательно залечить изъяны нашего исторического сознания, эскулап Миронов в 2010 г. выступил с новым объемистым сочинением «Благосостояние населения и революции в имперской России». Название звучит странновато, но автор этого не замечает. Более того, чтобы сомнения относительно благодетельного характера российской модернизации окончательно рассеялись, к прежним статистическим выкладкам он добавил «железный» аргумент: потребление водки неуклонно росло[3] — население спешило залить ею неуемную радость от поглощения плодов прогресса. Но главное не в этом. Поскольку всё обстояло столь благополучно, *никаких революций в России не должно было быть*! А если они случались, то не иначе как «от лукавого».

На подобные откровения некоторые исследователи реагировали не столь снисходительно. На страницах «Российской истории» состоялась очередная дискуссия по книге Бориса Николаевича. И вот тогда автор возмутился, да еще как! Последовал новый поток то ли жалоб, то ли доносов в различные инстанции на «нехороших» критиков; их набор составил основу целой книги.

Миронов делит всех авторов на «своих» и «чужих». Выяснилось при этом, что в прошлом я выступал его сторонником, а если и критиковал, то так, что лишь подкреплял его аргументацию[4]. Теперь стал «врагом». Но и это еще не всё.

Оказывается, против Миронова организована настоящая травля. Одним из ее вдохновителей и организаторов являюсь я, испускающий в адрес маститого автора «дикие крики озлобления» (именно так, по классику!). Вынужден напомнить Миронову, что на первом издании «Благосостояния...» красуется его дарственная надпись: «Владимиру Прохоровичу на добрую память и с благодарностью за критику и поддержку, за честность и принципиальность в науке». Спрашивается, где Миронов искренен, где лукавит?

Вообще-то мне не впервой полемизировать с Мироновым. На последнем «круглом столе» я лишь повторил аргументы, ему уже известные[5]. Возможно, тон возражений был более язвительным. Но что делать, если человек полтора десятка лет бубнит одно и то же? Догматики не переносят иронии. А когда нечем крыть, то надо дискредитировать оппонента.

Пришлось мне, в частности, услышать упреки в непомерной своей амбициозности. Но всякий, знакомый с первым изданием (1997 г.) «Красной смуты»

[3] *Миронов Б.Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России. XVIII — начало XX века. М., 2010. С. 555, 557, 565, 567.

[4] См.: *Миронов Б.Н.:* 1) Социальная история России. 3-е изд. СПб., 2003. Т. 1. С. XVII; 2) Благосостояние населения и революции в имперской России. XVIII — начало XX века. 2-е изд. М., 2012. С. 41, 62, 564, 662, 675–675, 680, 682, 684, 726.

[5] Ср.: *Булдаков В.П.* Россия или мифы о ней? По поводу статьи Бориса Миронова «Униженные и оскорбленные: “Кризис самодержавия — миф, придуманный большевиками”» (Родина. 2006. № 1) // Родина. 2006. № 8. С. 7–9; Российская история. 2011. № 1. С. 155–156, 173–174, 193–196, 198.

(кстати, названной в свое время Мироновым в «Независимой газете» одной из лучших книг года), знает мою принципиальную установку: история революции, как и история вообще, — не место для авторского самоутверждения. Что касается критического отношения к ряду авторов, то известно, что деградация исторического знания, особенно применительно к проблеме революций, зашла у нас слишком далеко.

Вероятно, поэтому второе издание «Красной смуты» вызвало поток мироновских «разоблачений». Теперь ее автор предстал каким-то неуемным копиистом. Впрочем, у Миронова все его оппоненты «неоригинальны». Ну а я просто спародировал социопсихологов, не предложив к теории революции ничего нового.

Хотелось бы напомнить, что общей теории российских смут я в свое время посвятил целую книгу, указав при этом авторов, на догадки опирался, пытаясь описать революцию как *синергетический* процесс (преодоление хаоса за счет возвращения к прежнему «порядку» в силу возобладания социальной архаики)[6]. Но Миронов вообще не замечает нелинейных процессов, они для него вроде и не существуют. Нет у него и оглядки на культурные депо исторического сознания. А потому категории человеческой психоментальности он столь упорно подменяет критериями животной сытости. С такими когнитивными, с позволения сказать, установками о революции лучше не заикаться.

Вообще-то другой автор мог бы поблагодарить Миронова за бесплатную рекламу. Надо же, всю научную карьеру отследил! Приврал, конечно, но с кем не бывает! Я, однако, не собираюсь ни благодарить Миронова, ни тем более затевать с ним затяжной, как хотелось бы ему, спор. Не в этом дело. За российскую историографию обидно. Сегодня в ней сочинители сказочек для людей наивных теснят исследователей, пытающихся отыскать мины замедленного действия, заложенные в прошлом.

Но стоит ли вообще говорить о Миронове как историке? Что это за детская привычка изгонять из прошлого всё то, что тебе не нравится! Правда, в отличие от откровенных сказочников, Миронов призывает на помощь якобы универсально убедительную статистику. Я полагаю, что при всех своих несовершенствах последняя полезна в той мере, в какой помогает разглядеть *скрытую* реальность, таящуюся в определенной *культуре*. Но она же вредна в той степени, в какой претендует на создание единственно верной реальности, т. е. самонадеянно подменяет живую действительность ее *ложно сконструированным* образом. Увы, возможности такого самообмана — особенно характерного для наших дней! — Миронов не предусмотрел. Напротив, он принялся размахивать своим «открытием», как флагом (или дубиной).

Профессия историка вообще противопоказана людям, склонным цепляться за моноидею, вербуя с этой целью всевозможные авторитеты. Это мы уже проходили.

[6] См.: *Булдаков В.П.* Quo vadis? Кризисы в России: Пути переосмысления. М., 2007.

Миронов полагает, что чисто статистический дискурс позволяет прорваться в метаисторию. Против последней я ничего не имею. Но когда *мета*историю используют как *прикладную дисциплину*, неизбежен конфуз. И потому вновь хотел бы подчеркнуть, что принципы анализа, исповедуемые Мироновым, являются не просто аморальными. В свое время я назвал их «зоотехническими». Фактически он оценивает людей *по параметрам их биологической пригодности для государства*. В переводе на язык, вполне освоенный российской бюрократией, это звучит так: чего тебе еще надо, скотина, если регулярно получаешь научно отмеренную «пайку»? Какое право ты имеешь бунтовать? Тебе надо радоваться и хвалить заботливых пастырей! Такова оборотная сторона «модернизаторского» оптимизма Миронова. И этот срам не прикрыть никакими простынями статистических выкладок.

Прежде чем сочинять сказки про российское «благосостояние», следовало бы поинтересоваться самочувствием людей, ощутивших на собственной шкуре его конкретные воплощения. Верили ли они в справедливость? Любили ли «мудрую» власть? Не ощущали ли себя пасынками прогресса? Но все эти вполне актуальные российские сюжеты Миронову не интересны.

Вряд ли нужно пояснять, что такой подход «врачевателя ран российских» — своего рода индульгенция для всевозможных конспирологов, чьими услугами российская власть охотно пользуется. Не секрет, что помимо дипломированного эскулапа Миронова существует масса самодеятельных знахарей, активно адаптирующих наше прошлое к обывательски конформистским мозгам. Если нет «объективных» оснований для народного недовольства, то значит, всякий бунт — плод работы всевозможных заговорщиков. А в глазах власти их у нас — пруд пруди.

Совсем недавно я ссылался (отнюдь не с целью критики) на конкретные данные, приводимые в работах Миронова[7]. Думаю, что от такой практики придется отказаться. После того, как он составил целую книгу из всевозможных кляуз, доверие к любым приводимым им сведениям окончательно утрачено.

Должен заметить, что Т. Леонтьева без всяких консультаций со мной уже опубликовала отповедь Миронову на страницах редактируемого ею журнала[8]. Что касается И. Михайлова, то он отказался вступать в диалог с автором, ухитрившегося опустить научную полемику на уровень базарной склоки. Надо отвечать по существу, а не копаться в грязном белье оппонента!

Не берусь судить, станут ли отвечать Миронову другие его критики. Хотелось бы задать ему последний вопрос. Не собирается ли он в 2017 г., когда придется отмечать столетие события, действительно потрясшего весь мир, объявить, что *его не должно было быть*, на потеху всему мировому научному сообществу?

[7] См.: *Булдаков В.П.:* 1) Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 639, 716, 719, 900, 930; 2) Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. М., 2012. С. 43, 152.

[8] Вестник Тверского государственного университета. Сер. История. 2013. Вып. 1. С. 192–196.

И последнее. Судя по «Страстям...», недругов у Миронова — несть числа! И все разные! Не странно ли? В связи с этим хочется посоветовать вспомнить известный эпиграф к бессмертному произведению: «На зеркало неча пенять...».